

Шестнадцать лет, Дворец Небесного Предела, юная дева, родимое пятно на лбу... Эти приметы совпали слишком точно. Разве речь шла не о той сироте, которую они приютили давным-давно?

В свое время Хэ Бугуй проявил предусмотрительность. Прощаясь с Я Ин, он намеренно обронил, будто спасенный младенец — девочка. Сделал он это на всякий случай, дабы пустить возможных преследователей по ложному следу, но и представить не мог, что однажды кто-то действительно явится, уцепившись за скудные обрывки давних слухов.

К счастью, на Юй Уцюэ лежали скрывающие чары самого Бай Инчи, да и возраст юноше приписали совсем иной — так просто до него не добраться. Пострадали лишь ни в чем не повинные ученицы, которым пришлось пережить немало страха из-за одной лишь брошенной кем-то фразы.

И все же легкая тревога коснулась разума Хэ Бугуя. Магия душ вновь явила себя миру, и поиски человека именно в этот переломный момент едва ли можно было списать на простое совпадение.

«Бессмертный Тайвэй, у меня есть вещественное доказательство»

«Какое?» — мысленно отозвался Хэ Бугуй.

«Хоть взрыв марионетки и не ранил мерзавца, она успела вырвать клочок его одежды. Тот наряд был сотворен чарами иллюзии и, лишившись подпитки, превратился в чешуйки. Они не имеют плоти и быстро тают в воздухе, но Цинлань сумел закрепить их заклинанием Дворца Цзюэсянь»

«Где эта вещь?»

«На его руке. Он начертал на собственной плоти печать, чтобы удержать чешую на коже. Нас схватили и приволокли сюда в спешке, объясниться не дали. Оставалось лишь ждать удобного случая, чтобы передать доказательство старейшинам»

«Вы отлично справились»

Юй Уцюэ, казалось, совершенно не умел принимать похвалу без хвастовства. Пока все вокруг брызгали слюной, обвиняя его в бесстыдстве, он не выказал и тени смущения — напротив, он заметно приободрился и мысленно хмыкнул:

«Хе-хе»

«Юй Уцюэ, сберечь улики — дело хорошее. Но если вас заклеят преступниками, а вы и защититься-то не сумеете, все ваши старания пойдут прахом»

«Ученик... ученик просто не успел подумать обо всем сразу»

«Тогда чему ты радуешься?»

Сквозь плотную бамбуковую занавесь разглядеть лицо Хэ Бугуя было невозможно, однако Юй Уцюэ упрямо косился в его сторону. Его мысленный ответ прозвучал до глупого естественно:

«Так ведь Бессмертный меня спасет»

Очутившись в ловушке, этот наглец умудрялся паясничать и искать покровительства. Из всех чувств у него, похоже, от рождения напрочь отсутствовали страх и тревога. Хэ Бугуй промолчал. Разумеется, даже без этих уловок он нашел бы способ забрать юношу в Парящий дворец, но от слов Юй Уцюэ веяло такой непоколебимой уверенностью, будто тот заранее все просчитал. Словно знал: стоит раскрыть карты, и он расшибется в лепешку, но вытащит его.

Откуда только бралась эта слепая убежденность? Безоговорочное доверие заставило Хэ Бугуя почувствовать себя не в своей тарелке. Неужели пары совместных трапез и нескольких одолженных книг хватило, чтобы этот сопляк счел холодность Бессмертного Тайвэя лишь напускной маской?

Сближение со временем неизбежно, и для любого другого человека обрести преданную душу — великое благо, но Хэ Бугую подобные привязанности были в тягость. Он ведь намеренно завел грассбух, скрупулезно переводя каждый долг в звонкую монету, чтобы очертить границы. И что в итоге? Не прошло и пары дней, как этот паршивец сел ему на шею и при первой же серьезной невзгоде бросился к нему за спасением.

Но как бы Хэ Бугуй ни досадовал, расхлебывать кашу все равно придется ему.

Бессмертный Тайвэй держался в стороне от дрызг бессмертных орденов, поступал исключительно по наитию и презирал условности. Но его старший брат, Бай Инчи, стоял во главе ордена; каждый его шаг ловили сотни глаз, и малейшее проявление предвзятости грозило ему волной упреков. Вмешаться самому означало избавить шисюна от лишней головной боли.

Найдя столь безупречное оправдание собственной мягкотелости, Хэ Бугуй едва заметно кивнул Кунчжи.

Бамбуковая завеса приподнялась. Хэ Бугуй неторопливо встал и шагнул навстречу устремленным на него взглядам.

Большинство присутствующих никогда прежде не видели истинного облика Бессмертного Тайвэя. Гомон, еще мгновение назад сотрясавший залу, утих. Шумные споры сошли на нет — взгляды заворуженно прикипели к легендарному заклинателю.

Его благородный облик заставил иных и вовсе забыть, как дышать. Но пуще восхищения толпу томило любопытство: зачем столь великий муж решил явить себя именно сейчас?

Хэ Бугуй медленно прошествовал на середину залы. Окинув собрание холодным, безучастным взором и не найдя ни одного мало-мальски симпатичного лица, он задержался на гладкой, лоснящейся лысине Сюэ И.

— Ваши бесконечные споры лишены смысла, — леденящим голосом произнес он. — Весь этот шум поднялся лишь из-за отсутствия улик, способных доказать существование третьего лица. Будь у нас подтверждение, невиновность Юй Уцюэ и его товарища стала бы очевидной: настоящий преступник скрылся, а эти двое оказались оклеветаны.

Сюэ И первым поспешил согласно закивать:

— Слова почтенного Бессмертного бьют в самую суть!

Часть старейшин согласно зашепталась, однако те, кто жаждал сурового и скорого суда, недовольно нахмурились. Среди последних выделялся глава врат Сюаньцзе, Хуа Цзиньюнь.

Его школа считалась одной из старейших в поднебесной, и хотя номинально она подчинялась Дворцу Небесного Предела, в душе Хуа Цзиньюнь давно лелеял мечту занять главенствующее положение. Силенок для открытого противостояния не хватало, но упустить столь лакомую возможность уязвить великий орден он никак не мог.

— Положим, третий соучастник и впрямь существовал, — подал голос Хуа Цзиньюнь. — Но где гарантия, что он не был их сообщником?

— И часто вы пытаетесь прикончить собственных сообщников? — изогнул бровь Хэ Бугуй.

Хуа Цзиньюнь пренебрежительно хмыкнул:

— В час смертельной опасности ради спасения собственной шкуры и не на такое пойдешь.

— Вот как? — Хэ Бугуй равнодушно сощурился. — Стало быть, предать и пустить под нож соратника ради личной выгоды для вас — дело вполне обыденное.

— Я вовсе не это имел в виду! — вспыхнул Хуа Цзиньюнь.

— Тогда что же? — без тени эмоций парировал Хэ Бугуй.

— Бессмертный Тайвэй изволит прибегать к софистике! Неужто ради того, чтобы выгородить

своих любимчиков?

— Какая удивительная логика: приравнивать поиск истины к укрывательству, — Хэ Бугуй наконец удостоил оппонента взглядом, тяжелым и острым, словно лезвие клинка. — Я предлагаю доказать присутствие постороннего, а вы исходите желчью. Уж не потому ли, что этим таинственным заговорщиком были вы сами?

— Да как вы... да вы просто!.. — Хуа Цзиньюнь с треском обрушил ладонь на подлокотник кресла.

«До чего же невыносим этот упрямец!» — мысленно дополнил Сюэ И.

Вид багрового от ярости лица Хуа Цзиньюня согревал ему душу. Разумеется, спорить с Бессмертным Тайвэем — развлечение для самоубийц. Этот человек плевать хотел на светские приличия и чужие чувства. Пытаться переупрямить его — все равно что биться лбом о скалу.

— Полно вам, глава Хуа, — веско вмешался Сюэ И. — Пустые препирательства ни к чему не приведут, да и непочтительно это — столь дерзко говорить с Бессмертным.

Бай Инчи, едва сдерживая улыбку, поспешил разрядить обстановку:

— Достопочтенный глава Хуа, прошу вас, успокойтесь. Раз уж мой младший брат утверждает, что может пролить свет на случившееся, давайте сначала выслушаем его. Наша общая цель — отыскать истинного злодея. Только так мы сможем защитить честь пострадавших учениц и вернуть доброе имя невинным.

Хуа Цзиньюнь и сам сообразил, что перегнул палку. Огрызаться на человека, носящего священный титул «Бессмертного», считалось верхом неприличия. Заглушив kloкочущую ярость, он нехотя отступил:

— Что ж, если присутствие постороннего подтвердится, это действительно облегчит участь юношей. По крайней мере, запирать их в темницу до поры до времени не придется. А дальнейшее расследование мы целиком вверяем воле главы ордена.

Бай Инчи повернулся к Хэ Бугую:

— Шиди, так каким же образом ты намерен явить нам истину?

— Юй Уцюэ утверждает, будто его марионетка взорвалась, намертво стиснув беглеца в объятиях, — невозмутимо отозвался Хэ Бугуй. — Принесите обломки.

Вскоре слуги внесли в залу объемистый узел и бережно высыпали обгоревшие деревянные

детали прямо на каменные плиты. Хэ Бугуй плавно вскинул руку, выпуская из кончиков пальцев тончайшие, светящиеся нити духовной пряжи. Юй Уцюэ замер, не сводя с него восхищенных глаз — ему до безумия хотелось разгадать, какую штуку задумал проверить его спаситель.

Светящаяся пряжа, точно юркая змейка, скользнула в кучу обгоревшего дерева, безошибочно отыскивая уцелевшее ядро механизма. Едва нить коснулась сердцевины, как древесные щепки слабо замерцали. В следующее мгновение груды обломков пришла в движение — повинувшись воле заклинателя, обугленные детали потянулись друг к другу, словно ведомые таинственным притяжением, воссоздавая прежний облик марионетки.

— Я верну марионетку в то состояние, в котором она находилась за мгновение до взрыва, — пояснил Хэ Бугуй. — Глядите внимательнее.

В зале воцарилась гробовая тишина. Десятки пар глаз неотрывно следили за тем, как изувеченные деревянные сочленения занимают свои прежние места. Обгоревшая фигура медленно воспарила над полом. Ее руки были сомкнуты в глухом, неразрывном замке, пальцы левой ладони растопырены — скрытый в них спусковой механизм застыл во взведенном положении. Колени были плотно сведены, голени поджаты назад. Марионетка словно превратилась в живой капкан, намертво сковавший невидимую жертву.

Чтобы сделать картину наглядной, Хэ Бугуй легким взмахом руки призвал поток чистой воды. Струи устремились в залу и заполнили пустоту внутри деревянного капкана, очерчивая контуры пленника.

Из прозрачной влаги соткался отчетливый человеческий силуэт.

Юй Уцюэ невольно затаил дыхание. Способность воссоздать чужую работу, распутав сложнейшие узлы духовной печати создателя — удел лишь величайших мастеров марионеток. Сделать подобное за считанные мгновения казалось чем-то запредельным.

Но на этом чудо не закончилось.

Управляя одной рукой потоками воды, а другой — тончайшими нитями марионетки, Хэ Бугуй произнес непоколебимым голосом:

— Механизм действительно сковал врага перед тем, как взлететь на воздух. Однако, по словам Юй Уцюэ, пленник умудрился спастись, не получив ни единой царапины. Что ж, давайте отмотаем время назад и поглядим, как именно ему удалось ускользнуть.

Направив мощный импульс духовных сил сквозь управляющие нити прямо в ядро, Хэ Бугуй заставил марионетку утробно загудеть. Раздался глухой хлопок — дерево разлетелось на куски во второй раз. Но теперь это было лишь призрачное эхо взрыва. Чтобы удержать обломки, заклинатель мгновенно воздвиг вокруг крошечный барьер искажения времени. Осколки

закружились в воздухе с ленивой медлительностью осенних листьев. Поймав нужный миг, Хэ Бугуй резко сжал пальцы, закрепляя печать.

Миг разрушения замер. Прозрачная водяная фигура внутри разлетающегося деревянного каркаса вдруг пришла в движение. Вода, заполнявшая малейшие пустоты между деталями, стремительно меняла очертания. Прежний человеческий силуэт уродливо деформировался, вытягиваясь в стороны.

Юные адепты, сидевшие на трибунах, в испуге повскакали со своих мест.

— Это... щупальца?!

— Видит небо, это действительно щупальца! Разве у людей бывает подобное?

— У обычного человека щупальца не вырастут, — Хэ Бугуй скользнул равнодушным взглядом по Юй Уцюэ. — Ты видел нечто подобное вчера ночью?

— В лесу было слишком темно, — с самым невинным видом соврал Юй Уцюэ. — Ваш ученик мало что сумел разглядеть.

— Взрыв длился ничтожное мгновение, так что твоя невнимательность вполне объяснима. По крайней мере, теперь ясно, что ты не лгал.

Хэ Бугуй не отказал себе в удовольствии вновь обратиться к главе врат Сюаньцзе:

— Вот вам и третье «лицо». Существо, способное растворяться во тьме. Человек это или безжалостная тварь — еще предстоит выяснить. Но, по крайней мере, оно разительно отличается от вас.

Не дожидаясь, пока Хуа Цзиньюнь захлебнется собственной желчью, Хэ Бугуй повернулся к главе ордена:

— Слова Юй Уцюэ и У Цинлани подтвердились. Они действительно столкнулись с опасным противником и применили силу, дабы обезвредить его, но упустили. То, что они не смогли предоставить улики сразу, было вызвано непредвиденными обстоятельствами.

Бай Инчи степенно кивнул:

— Уважаемые старейшины, остались ли у кого-то возражения?

Раз уж сам Бессмертный Тайвэй снизошел до суда и лично восстановил картину случившегося,

спорить не решился никто.

Хэ Бугую пришлось выдать из себя положенную по этикету речь:

— Беда случилась под сенью Дворца Небесного Предела, и наш долг — докопаться до истины. Орден не станет снимать с себя ответственности за допущенную оплошность, но мы также призываем всех присутствующих содействовать расследованию. Лишь общими силами мы сможем поймать истинного виновника.

Эти слова звучали как признание собственной вины, однако скрытый в них намек был ясен каждому: под подозрением теперь находился абсолютно любой гость. И раз уж позорная тайна выплыла наружу перед лицом сотен свидетелей, замять дело не удастся — виновного, кем бы он ни оказался, ждет публичная кара.

Разумеется, явление призрачного беглеца не снимало с Юй Уцюэ и У Цинланя всех обвинений. Однако поставить зарвавшихся судей на место мог только Хэ Бугуй. Сделав свое дело, он предоставил право подвести черту старшему брату, метнув в его сторону едва заметный взгляд.

Бай Инчи мгновенно все понял. Он поднялся с места и, лучезарно улыбнувшись, произнес:

— Пока истина не восторжествует, У Цинланю и Юй Уцюэ запрещается покидать пределы обители. Нам также следует выразить глубокую признательность главе Хуа за его великодушие — благодаря ему юноши избежали сырых застенков. Отныне они переходят под строгий надзор своих наставников.

Успокаивать разволновавшихся гостей Хэ Бугуй не собирался — у его шисюна для этого имелся прирожденный дипломатический дар. Старейшина Кайян увел притихшего У Цинланя. Сюэ И с самым решительным видом направился к Юй Уцюэ, намереваясь утащить негодного ученика к себе, но Хэ Бугуй прищурился и негромко позвал:

— Юй Уцюэ.

Юноша тут же вскинул голову, глядя на него преданно:

— Я здесь, Бессмертный.

Сюэ И метнул в Хэ Бугуя яростный взгляд, смешно топорща усы и безмолвно взывая к совести оппонента — ведь их пари еще не было закрыто!

Хэ Бугуй с истинно царственным пренебрежением проигнорировал старого приятеля. Из его уст сухо сорвалось:

— За мной.

Юй Уцюэ сорвался с места быстрее ветра. Истинный человек Чансы даже рта раскрыть не успел, чтобы высказать паршивцу все, что о нем думает, как тот уже весело семенил следом за статной фигурой Бессмертного Тайвэя.

«Истинный пес, как есть пес! Бежит, только хвостом не виляет» — сокрушенно подумал Сюэ И.

Каким бы несносным ни был этот сорванец, отдавать его чужому наставнику было горько. Старик застыл посреди залы с тоскливым выражением лица, но внезапно обнаружил, что в ладонь ему бережно вложено нечто твердое.

Это была искусно вырезанная из темного дерева курительная трубка. На самом ее боку красовались аккуратные иероглифы, складывающиеся в шутливые стихи о пользе душевного покоя: «Если злится кто — я спокоен, гневом душу травить не достоин».

Сюэ И уставился на этот подарок, чувствуя, как внутри него закипает гремучая смесь из умиления и жгучей досады. Он никак не мог подобрать слова, чтобы выразить всю гамму нахлынувших чувств.

«Вырос птенец — гнездо ему тесно», — тяжело вздохнул старик, возвращаясь к своему креслу. Он бережно припрятал трубку в глубокий рукав мантии и ласково погладил дерево сквозь ткань.

В конце концов, грех было жаловаться. Хэ Бугуй с его ледяным нравом совершил ради этого мальчишки настоящее чудо, поступившись собственным покоем. Сюэ И не знал, какими чарами Юй Уцюэ сумел растопить сердце Бессмертного Тайвэя, но, судя по тому, с какой счастливой улыбкой парень бежал следом за ним, в Парящем дворце его точно никто не обижал.

«И надо же было мне ввязаться в это глупое пари! "Ставка" улетучилась быстрее, чем гончая за зайцем. И ради чего спорили?»

Сюэ И достал подаренную трубку, неторопливо набил ее ароматным табаком и, щелкнув огнивом, затянулся. Выпустив сизый клуб дыма, он с напускной суровостью проворчал под нос:

— Ну и катись на все четыре стороны, паршивец!